

же книга займёт свое место в ряду своеобразных историографических казусов, пополнив коллекцию «кунсткамеры» исторической науки. Больше автора поздравить не с чем.

В.В. Тихонов

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 241.

² Hahn W. Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953. Ithaca, 1982.

³ Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 44–45.

⁴ Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.И. Рубинштейна // История и историки. Историографический вестник за 2004 г. М., 2005. С. 193–196.

⁵ Некрич А.М. Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 301–320.

⁶ Архив РАН, ф. 1577, оп. 2, д. 207, л. 53–64.

⁷ Там же, ф. 697, оп. 1, д. 50.

⁸ Там же, д. 70.

⁹ Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011. С. 547–549.

¹⁰ Подробнее см.: Полицарнов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia. The Politics of Revisionism historiography, 1956–1974. Palgrave, 2000; Осадченко Б.А. Формирование школы А.Л. Сидорова в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX веков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 200–218; Шепелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Там же. С. 219–257; Константин Николаевич Тарновский. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002; Осадченко Б.А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 562–575.

Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И.М. Пушкарёва [и др.]; отв. ред. И.М. Пушкарёва. СПб.: Алетей, 2011. 476 с.

В постсоветской отечественной историографии, к большому сожалению, «рабочая тема» довольно быстро стала отходить на второй, если не на третий план. Даже в учебниках по истории России для вузов, не говоря уже о школьных, соответствующие разделы начали стремительно сокращаться в объёмах и предоставлять всё более скудную информацию. Так, в учебнике «История России с древнейших времён до наших дней», написанном А.Н. Сахаровым, А.Н. Бохановым и В.А. Шестаковым, рабочее движение от Морозовской стачки 1885 г. до начала революции 1905 г. не рассматривается вовсе, что вряд ли поможет студентам понять все причины революции 1905 г.¹

Авторы коллективной монографии «Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.» (И.М. Пушкарёва, Л.И. Бородин, С.Р. Глазунов, А.В. Новиков, С.И. Потолов, И.В. Шильникова) опираются на

уникальный комплексный источник – «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника» (далее – Хроника). Первая серия Хроники (вып. I–X), охватывающая 1895–1904 гг., была издана в 1992–2008 гг. под редакцией доктора исторических наук И.М. Пушкарёвой. Её появление стало итогом многолетней работы большого числа историков – сотрудников академических институтов, вузов, архивов. К 1991 г. в основном было завершено создание базы данных, включавшей данные из 466 фондов 112 архивов бывшего СССР. Большой вклад в подготовку Хроники и разработку полей базы данных для дальнейшего обобщения собранной в ней информации внесли В.И. Бовыкин и Ю.И. Кирьянов. Разделы Хроники («Массовые выступления рабочих», «Рабочие, политические и партийные организации» и «Листовки») отражают истинные размеры рабочего движения, уровень его организованности, влияния на него разных

партий. Для изучения этих и ряда других проблем, по словам И.М. Пушкарёвой, «нужна была фундаментальная информационная база, которая дала бы более точное представление об облике рабочего класса, который, как известно, взял на себя кардинальное переустройство общества в 1917 г.» (с. 21).

Основная часть коллективной монографии состоит из двух больших разделов: «Информационный потенциал источника и методы его исследования» (главы I–VI) и «Стачки в России на рубеже XIX–XX вв.: от макро- к микроанализу» (главы VII–XI). В весьма ёмком приложении указаны города и другие населённые пункты империи, где среди рабочих действовали партии и союзы политического и профессионального характера.

В первых главах книги И.М. Пушкарёвой обстоятельно изложены методологические, историографические и источниковедческие аспекты темы, а также проведён комплексный анализ трудовых конфликтов. В таблице 1 (с. 60–69) представлены статистические сведения о стачках 1895–1904 гг. с указанием их числа и количества бастующих по губерниям и областям, выделением коллективных стачек (данные о них обобщаются в таблицах 2–4). В целом с 1895 по 1904 г. автором выявлено 8 132 трудовых конфликта, в том числе свыше 7 тыс. стачек, в которых участвовали 1,5 млн человек (с. 434). Эти показатели превосходят данные фабричной инспекции по количеству стачек в 4 раза, а по числу стачечников – в 3 раза. Хроника даёт также чёткую картину отраслевого и географического распределения трудовых конфликтов. К примеру, если до начала XX в. среди стачечников преобладали текстильщики, то затем их «оттеснили» металлисты (с. 73). «Обычно авторы, – пишет Пушкарёва, – исходя из данных об активности социал-демократических организаций, автоматически ставили на первое место в забастовочной борьбе Петербургский и Московский округа. Хроника подтверждает это только количеством стачечников в течение десятилетия за 1895–1898 и 1901 г. Её материалы обращают внимание на подъём забастовочного движения в западных, а в 1899 г. – в польских и прибалтийских

губерниях». Более того, «по материалам Хроники, “столичную” активность рабочих с 1900 г. и особенно в 1902–1903 гг. “отодвигают на вторые роли” стачки юга России на Северном Кавказе, на Украине и в Закавказье» (с. 72). Порой Хроника и выявляет совершенно новые для историографии сюжеты, в частности, трения между рабочими разных национальностей и конфессий: между русскими, с одной стороны, и евреями, поляками, латышами, с другой, между эстонцами и латышами, армянами и азербайджанцами и т.д. (с. 76). Наглядно раскрывается в ней и размах стачечной борьбы в 1903 г., на который пришлось 30% стачек и 24,5% стачечников за десятилетие 1895–1904 гг.

В третьей главе И.М. Пушкарёва, Л.И. Бородин и И.В. Шильникова дали математико-статистический анализ стачечного движения (возможности его математического моделирования показаны Л.И. Бородиным в четвёртой главе). Составленные ими 17 таблиц и 47 диаграмм демонстрируют динамику разных форм выступлений рабочих, долю различных типов трудовых конфликтов, сезонные особенности, позволяют провести сравнительный анализ динамики стачек в Москве и Петербурге, в двух главных отраслях российской промышленности – текстильной и металлургической и металлообрабатывающей, в 1897 и 1903 г. При этом оказалось, что на показатели протестных действий непосредственно влияли не столько промышленная конъюнктура и материальное положение трудящихся, сколько агитационная активность партийных и профессиональных организаций.

Влиянию на рабочих партий, союзов и иных общественных объединений посвящены пятая и шестая главы, написанные И.М. Пушкарёвой. На основе Хроники было выявлено более 700 комитетов, групп и кружков, в 1895–1903 гг. влиявших на рабочее движение в 70 губерниях и областях. В составленной автором таблице наряду с динамикой стачечного движения указываются рост численности партийных, рабочих и других организаций, число губерний и населённых пунктов, в которых они действовали, количество листовок, обращённых к рабочим (с. 228). Их корреляция свидетельствует, что в 1900–1901 гг.

рабочие действительно начали переходить к массовой политической борьбе (с. 230). В монографии преодолён односторонний подход, который был характерен для советской (особенно – историко-партийной) историографии, освещавшей преимущественно деятельность РСДРП. В то же время Хроника подтверждает, что 85–87% всех организаций, действовавших в рабочей среде (а также 85% из 4.5 тыс. листовок, обращённых к рабочим), принадлежали к социал-демократическому направлению. Кроме того, благодаря умелой конспирации именно они являлись наиболее устойчивыми. Тем не менее Хроника отражает и воздействие либералов на рабочее движение. По мнению И.М. Пушкарёвой, либерализм мог найти опору среди тех, кто был более квалифицирован и благополучен в материальном отношении. Сама же либеральная идеология, как и социалистическая, «задерживаясь» в сознании рабочих, стимулировала их «гражданскую идентичность» (с. 268).

В седьмой главе А.В. Новиков прослеживает «кризис традиционных форм социальной защиты рабочих России на рубеже XIX–XX вв.». Наряду с сюжетами, традиционно привлекающими внимание исследователей (зарплата, семейный бюджет, связь с деревней и т.д.), автор рассматривает менее изученные, но очень важные факторы: изменение роли семьи в жизни рабочих, социальная составляющая дореволюционного фабрично-заводского законодательства, место патернализма и благотворительности во взаимоотношениях предпринимателей и рабочих, а также происходившее на рубеже веков отчуждение этих социальных групп, проявившееся в самой структуре протестных выступлений – в переходе от жалоб и просьб к стачкам, митингам и демонстрациям.

В отдельных главах анализируются крупные выступления рабочих – на Ярославской Большой мануфактуре в 1895 г., на текстильных предприятиях Петербурга в 1896 г., на фабрике Ю.С. Нечаева-Мальцева «Гусь» и в Ростове-на-Дону в 1902 г. Хроника позволила уточнить данные о числе бастовавших заводов и количестве стачечников, благодаря ей можно с максимальной точностью отразить ход забастовок не только по дням, но и по

часам (с. 348). Особенно важен анализ С.И. Потоловым знаменитой «промышленной войны» – общегородской стачки текстильщиков Петербурга в 1896 г. Как известно, в советской историографии в петербургских стачках видели подтверждение соединения сил социал-демократов и рабочих и начала пролетарского этапа освободительного движения в России. Однако, согласно Хронике, среди «зачинщиков» стачки не было членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (с. 357), хотя они распространяли листовки на фабриках города ещё до её начала и, разумеется, влияли на рабочих, а в ходе стачки укрепляли свои связи с бастующими. Следует отметить также, что действия текстильщиков Петербурга способствовали появлению 2 июня 1897 г. закона о продолжительности рабочего времени. Не менее эффективной, как пишет И.В. Шильникова, была и стачка на Ярославской Большой мануфактуре, оказавшая воздействие на всю дальнейшую организацию производства и историю этого предприятия, где в течение последующих десяти лет не было ни одной забастовки. В десятой главе С.Р. Глазунов охарактеризовал роль фабричной инспекции в разрешении трудовых конфликтов. Он отметил, что фабричные инспектора стояли прежде всего на службе закона, тогда как законодательство «отражало слабую чувствительность бюрократического аппарата к модернизации российского общества, осуществлявшейся в направлении необходимости социальных реформ, которые бы вплотную коснулись положения в России человека труда» (с. 407). Устанавливая истинные размеры и влияние на рабочее движение в стране Ростовской стачки 1902 г., И.М. Пушкарёва указывает на ведущую роль в ней железнодорожников, относившихся к наиболее квалифицированной, грамотной и относительно хорошо оплачиваемой части рабочего класса.

В заключении И.М. Пушкарёва определяет место рабочих в российском обществе, подводит итоги их массовой политической мобилизации на фоне невнятных действий правительства и его слабой осведомлённости о масштабах назревавшего к 1905 г. недовольства. Между тем, по мнению И.М. Пушкарёвой, «на рубеже XIX–

XX вв. протестное рабочее движение являлось одним из сигналов к “моральному выбору” государственной элиты во главе с царём: или революция (“Верхи” её опасались, конечно, представляя ещё смутно её размах), или решение проблемы с помощью реформ, утверждавших равное отношение к правам и законам всех слоёв общества» (с. 445).

Некоторые недочёты отнюдь не снижают значения проделанной авторами работы. Так, в монографии говорится, что впервые в России всеобщие городские стачки прошли в 1899 г. в Варшаве, Либаве и Риге (с. 85). Однако ещё 2–6 мая 1892 г. в Лодзи состоялась всеобщая городская стачка с участием свыше 30 тыс. рабочих, в ходе подавления которой несколько человек было убито и около 300 ранено. 6 мая город был объявлен на военном положении². Нижний Тагил обозначен в книге как город (с. 207), хотя он стал таковым только в 1919 г.³ Возможно,

следовало бы дать сквозную нумерацию таблиц.

В целом же рецензируемая монография является крупным вкладом в историографию не только рабочего, но и всего общественного движения России на рубеже XIX–XX вв. На более высоком научном уровне, с применением новых методик и подходов, она продолжает традиции отечественной историографии в изучении рабочего класса страны.

В.А. Скубневский

Примечания

¹ Сахаров Л.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времён до наших дней. Т. 2. М., 2008. С. 254–255, 262.

² Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. III. Ч. 2. М., 1952. С. 154–167.

³ Города России: энциклопедия. М., 1994. С. 301.

М.Г. Кулешин, П.Г. Немашкалов. Межкультурный диалог славянского и горского населения Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX в. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 204 с.

Проблема межкультурного диалога приобрела особую актуальность после того, как на Западе заговорили о крахе политики мультикультурализма, а у нас на все лады бросились это повторять – кто с сожалением и грустью, а кто с радостью и злорадством. Поэтому попытка М.Г. Кулешина и П.Г. Немашкалова раскрыть исторические аспекты межкультурного диалога на Кавказе представляется важной и интересной. Впрочем, сам термин *межкультурный диалог* нельзя не признать весьма расплывчатым. Не совсем ясно, что под ним подразумевают и авторы, которые не дали своего определения этого понятия. Судя по содержанию монографии, они включают в него достаточно широкий круг социальных явлений. Разделы книги посвящены становлению российской системы управления в регионе, кавказцам на службе в русской армии, сопротивлению горцев имперским порядкам (в авторской концепции это, надо полагать, также форма межкультурного диалога),

образовательной политике правительства, служившей средством вовлечения горцев в социокультурное пространство России, взаимовлияниям в материальной культуре и хозяйственной жизни и т.д. Для того, чтобы снять у читателя возникающее порой недоумение, было бы лучше дать авторское определение ключевого объекта исследования.

Во второй половине XIX в. межкультурный диалог славянского и горского населения проходил, во всяком случае, свои первые этапы при достаточно сложных исторических обстоятельствах, связанных с ещё не преодоленными последствиями Кавказской войны. Однако Кулешин и Немашкалов не уделяют этому большого внимания, да и само значение Кавказской войны они призывают рассматривать в контексте цивилизационного соперничества Востока и Запада и «не сводить только к решению военно-оперативных задач, столкновению России и горских народов на конфессиональной основе, колониаль-